

Владимир Иванов

ТРИ ПОЭМЫ

СТИХИ ЭПИГРАММЫ

2001 Copyright © Vladimir Ivanov

The text of this publication or any part thereof may not be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronics or mechanical, including photocopying, recording, storage in an information retrieval system, or otherwise without the written permission of the Autor. This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, resold, hired out or otherwise circulated without the prior consent of the autor publisher in any form of binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent Autor.

2001 © Владимир Иванов

Запрещается любое воспроизведение любых отрывков любых частей данной книги любыми техническими средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные, включая фото- и видеосъемку без письменного разрешения или договора с Автором. Любое цитирование и перевод на другие языки категорически запрещены как нарушение прав частной собственности и охраняются российским и международным законодательствами.

Поэма женщине на кино-театре «ОКТЯБРЬ»

*На проспекте подлого Мира сего, заплёванном и грязном, стою и жду
автобуса я, плясь в фасад буржуазный...*

*Напротив меня мистерия – меж вывесками «Диско-бар», расположилась
женщина, сбросившая пеньюар.*

*Громадная и стремительная, всей мощью своих телес, кричит, что не
шлюха, не нимфа она – Революции Ахиллес!*

*Изогнулась туго красавица, в гранитном своём окне, Революция на сносях
Революцией – Революция тройне!..*

*Ружья поют осанну ей, неся небу простуженный лай, потому, что ночью
Отрёкся уже, от народа Царь Николай...*

Вот когда по призыву невидимых губ, вдруг раскрылись эти глаза, и под
 плач литавр её, с хохотом труб, время пошло назад...
 И, лишь только, трубы взвыли её, враз началась потеха – на богачах серпом
 ставился крест, а молотом в череп – прореха!
 А я вижу отца в будёновке, и маму в форме «юнгштурм», как впился в
 брусчатку, колоннами Зимний, чуя предсмертный штурм!
 Как коридорами, заблёванными лентами с тире и точкой, бьётся в
 Припадках Смольный, с Лениным и Троцким.
 Напрягся он, оцетинился, вздулся весь проводами вен. И вот, уже мир
 пульсирует: «ВСЕМ! ВСЕМ!! ВСЕМ!!!»

И, как ночная стерва с Невского, поблескивая тускло мундиштуками
 Из янтаря,
 Синяя «Аврора» оставила ихеры серые, и стала у Николаевского
 На якоря...
 И над притихшим, от злобы, Питером, и очумелой, тупой толпой,
 проследовал ясно и истово, её аргументов вой.
 И закачался Истории фаллос, от шёпота тысяч толп, и грохота
 Петропавловки, Александрійский столп.
 А мир уже бьёт истерика – там, на краю Ойкумены, гибнет цивилизация
 под сапогом нацмена!..
 Там Розы-чекистки в коже чёрной, измучались, бедные, с расстрелами
 до зари,
 И греют добрые латышские парни, блядей, пьяных, от голубой
 крови...

Пулемёты запели осанну ей, целя небу сторылым лай, потому, что спустился
 в подвал уже, арестованный Николай...

А её всё пучит, всё растёт, увеличиваясь, в ляжках млеют уж целые
 армии,
 И на лобке её – не мандавошки – то ведёт свои цепи на Врангеля,
 Красноенком Гамарник!
 И в глазах её вовсе не искры проскакивают, как у какой-нибудь, Талии иль
 Терпсихоры,
 Это заполнили коридоры Таврического, красноенкоммы и
 красноенморры!
 А бабища-то, знай растёт себе, поднимает седалище, испражняясь
 дивизиями и батальонами,
 Развела свои ножки – из туннеля влагалища вылетает 1-я Конная с
 Семёном Будённым!..

Его всадники в потных гривах распластаны, пластуны же, вросли все по
 брови в рожь,
 И раскосая морда их криво расквашена жизнерадостным стоном-воплем
 «Даёшь!!!»
 Но и в сонмищах этой саранчи тысячекрылой, в вое, свисте, пляске, радуге и
 празднике сабель,
 Улыбаются ласково нам, как херувимы, товарищ Гайдар и товарищ
 Бабель!
 Галифе на героях красного цвета - как рубахи на свадьбах
 у гармонистов,
 Так, что и в крови истерзанных девственниц, выглядят они празднично,
 нарядно и чисто.
 С лукавинкой покусывая соломинки, задумчиво опершись на сёдел
 луки,
 Решают не задачу, в сущности – что с гимназистами:
 Расстрелять? Или утопить, от скуки?!
 И с прибаутками, вся эта весёлая, лихая нечисть, рвёт и давится чистым
 телом России –
 Царскую её короною и крыльями её золотыми...

Пушки завывли осанну ей, пня небу стозевый хай, потому, что справа от
 Господа сел, святой мученик Николай...

Твои груди ветрами обласканы, хоть соски смотрят в мир
 колюче,
 Потому, что с них каплет не млеко и мёд, а кровь младенцев
 умученных.
 И от шёпота губ твоих вывороченных, сгорбились и поникли
 Атланты,
 Когда ведала ты, как оральным сексом, занималась с тобой вся
 Антанта.

Я, смотрю из автобуса, сквозь стекло Истории, угасших надежд и
 поллюций,
 Как занесло её сюда?! Этого Ангела всех
 Революций?!!
 Застывший монументально, по прихоти скульптора, на киношной
 стене,
 Сей Ангел каменный напоминает мне Вия, застрявшего в церковном
 окне...
 Эй! Страна моя!! Что лежишь ничком и измучена тремьями ста ста

тифами в ряд?

*Почему, скажи, днём все сонные, полустанки твои, только Смольными,
всё ещё по ночам горят?!*

*Я шепчу и кричу сизой дымной реке, что хотя на дворе
и декабрь,*

*Я молю, чтобы серый сарай «Дом Кино», возвратили назад в
«ОКТЯБРЬ»!*

*Потому, что если покажется, что ей что-то давит
на нерв,*

*Снова вспомнит про молот красавица, или подымет
сerp!*

*И если, вдруг, эта дама, раздвинет своё
окно,*

*То разлетится весь город ваш, костяшками
домино!..*

*И обрета достоинство, раскинув свободно волосы, первым делом опробует
Возможность охрипшего голоса.*

*Первая нота в мажоре его звучит, как с неба металл – так сыпятся
человечьи улы - кварталами за квартал.*

*Вторая – наинежнейшая - бельканто стереоколонки! Жаль, что нельзя
услышать – сразу рвёт перепонки!!*

*Третья, почти безболезненно, плавит вам, люди, мозги, вытекающие через
глазницы – бедняги не видят ни зги...*

*Так, что если наскучит ей, ваш пьяный, смурной уют, то каменные её трубы
Осанну вам вновь запоют.*

*И сразу её подруги, в громадных титановых шапках, услышат мотив
знакомый в своих вертикальных шахтах.*

*А эти дамы разборчивы – Шанель для них, что помои, от Коти, их бы
стошнило...*

*Этим подавай плутоний и чтобы побольше
гептила!*

*И, разложивши ноты, уже знакомой осанны, поворачивают боеголовками,
словно в ожидании манны...*

*Грянут оркестром, скоро уж век ему! Вот только уж слушать его,
будет, на этот раз, уже*

Некому...

Жизнь

В мгновение уместились все признания в любви,
 В секунду – губ любимых явь и ясность,
 Минуту занял славы приговор,
 И час – нелепых слухов беспристрастность.
 День с ночью – и прошла надежды тень,
 Соль слов проела бесконечность.
 Хоть дольше века длился быдла день,
 Был миг и Приглашенья в Вечность...

Хулиганство

*Резвились ангелы и выбились из сил,
И Купидон, в экстазе пребывая.
Свою стрелу из лука запустил,
Не целя, как всегда, а на удачу лишь,
На случай, полагая...*

*Стрела любви! В подарок иль за грех?
Сюрприз иль наказание? Не знаю...
Каков улов, таков успех, но только
От любви теперь себя я раздираю!*

*Я пропадаю нынче не за грош,
И чувствую, что точно пропадаю,
Попала, подлая, мне прямо в... «цель»,
Как вытащить теперь её? Убей, не знаю...*

*Какой же спрос с крылатых, неземных,
Которые Госдуме не подвластны?
Я тут в соплях вся, сперму пью,
А эти... Вроде б, не причастны...*

*Ах, если б, из рогатки, из ружья б,
Из пушки, зоть и это и накладно,
Я б, Купидона б, этого.. «того!»
А тоже... Ангелы!..
Будь все они неладны...*